

Рустем Нуреев  
Юрий Латов

## ЧТО ТАКОЕ ЗАВИСИМОСТЬ ОТ ПРЕДШЕСТВУЮЩЕГО РАЗВИТИЯ И КАК ЕЕ ИЗУЧАЮТ РОССИЙСКИЕ ЭКОНОМИСТЫ.

Возникшую в 1980-е гг. благодаря трудам Пола Дэвида и Брайана Артура теорию *path dependence* — *зависимости от (пути) предшествующего развития*, можно назвать своего рода «новейшей экономической историей», по аналогии с «новой экономической историей» (new economic history) Роберта Фогеля и Дугласа Норта. Оба эти направления являются институциональными подходами к социально-экономической истории. Сторонники Норта делают акцент на сознательном выборе норм, на институциональном конструировании и экспорте институтов. Но ведь есть и другая сторона проблемы изменчивости институтов — институциональная инерция, которая мешает выбирать, конструировать и экспортировать институты. Именно этими проблемами и занимаются последователи Дэвида и Артура.

### 1. В начале было QWERTY

История теории *path dependence* началась 20 лет назад, в 1985 г., когда Пол Дэвид опубликовал небольшую статью «Клио и экономическая теория QWERTY»<sup>1</sup>, посвященную такому, казалось бы, мелкому вопросу, как формирование стандарта клавиатур печатающих устройств. Он доказывал, что в конкуренции разных стандартов более поздняя и более эффективная раскладка DSK Августа Дворака оказалась побежденной старой и примитивной QWERTY-раскладкой.

---

<sup>1</sup> См. перевод этой статьи на с. 139—150 настоящего издания.

По его мнению, в конкуренции стандартов неизбежна победа какого-то одного, но нет объективной закономерности в том, какой именно из них окажется победителем. Здесь огромную роль играет «историческая случайность», которая в начале изучаемого процесса может определить последовательность дальнейших событий.

Предложенные Дэвидом интерпретация истории печатающих устройств и взгляд на развитие стандартов в целом вызвали острую дискуссию, которая продолжается до сих пор. Одни считают открытие QWERTY-эффектов одним из наиболее выдающихся достижений историко-экономической науки<sup>2</sup>. Другие полагают, что «перед нами не что иное, как еще одна новая вариация на тему "экономики нирваны"»<sup>3</sup>. Третьи склонны считать пионерную работу Дэвида открытием, совершенным на основе ошибочных исходных данных, — «ложным открытием», вроде открытия «Индии» Колумбом<sup>4</sup>.

Репутацию концепции QWERTY-эффектов и лично Пола Дэвида серьезно испортили разоблачения, сделанные в 1990 г. американскими экономистами Стэном Либовицем и Стефеном Марголисом в статье «Басня о клавишах»<sup>5</sup>. Как оказалось, Дэвид, излагая историю QWERTY-раскладки, опирался в основном на вторичные и не во всем достоверные источники. Появилось мнение, что открытие Дэвида можно

---

<sup>2</sup> Отражением широкой популярности этого нового подхода к экономической истории является, например, мнение Пола Кругмана, профессора Массачусетского технологического института, который писал, что «...и поколение спустя экономическая теория QWERTY все еще будет жизненно важной частью интеллектуальной традиции» (*Krugman P. Peddling Prosperity. N.Y.: Norton, 1994*).

<sup>3</sup> Такова позиция Р.И. Капелюшников, подробно изложенная в его статье «QWERTY против DSK: методологические заметки на полях дискуссии» в настоящем издании, с. 208—227.

<sup>4</sup> Такие «ложные открытия» в истории науки уже бывали. Скажем, всем известно, что основоположником менеджериальной теории человеческих отношений является американский социолог Элтон Мэйо, который открыл важность неформальных отношений в трудовых коллективах, обобщая результаты проведенного в 1927—1932 гг. Хоторнского эксперимента. Современные обществоведы, однако, указывают, что наблюдаемый в ходе этого эксперимента прирост производительности работников объясняется не столько созданием «человеческих отношений», сколько разворачивающейся Великой депрессией, которая резко усилила конкуренцию на рынке труда. Но хотя сам по себе Хоторнский эксперимент можно подвергать сомнению, в доктрине человеческих отношений в наши дни никто не сомневается.

<sup>5</sup> См. перевод этой статьи на с. 151—182 настоящего издания.

трактовать как результат либо научной недобросовестности (ученый плохо проверил излагаемые им факты), либо даже прямой фальсификации (ученый знал о сомнительной достоверности сообщаемых фактов, но утаил это от читателей ради сенсационного результата). Сомнительный привкус этой истории усиливается тем, что сам Пол Дэвид так и не дал за прошедшие 15 лет развернутого аргументированного ответа на критику Либовица — Марголиса. Молчание, конечно, не всегда знак согласия...

Однако у точки зрения о сравнительной неэффективности QWERTY-клавиатуры появилось и много защитников. Сторонники DSK-раскладки заявляют, что после ее установки на компьютерах (технически это сделать сейчас довольно легко) через пару месяцев, когда пользователь полностью осваивает новую клавиатуру, скорость набора текстов действительно заметно возрастает<sup>6</sup>. Самое интересное, что клавиатура Дворака тоже не является самой совершенной — были предложены и другие, еще более эффективные. Но, несмотря на все инновационные предложения, новые клавиатуры появляются только у немногих наборщиков-энтузиастов.

История победы QWERTY-клавиатуры над более эффективными стандартами может показаться в масштабе глобальной экономической истории чем-то мало значимым. Однако изучение экономической истории технических стандартов, начатое после работ Дэвида, показало распространение QWERTY-эффектов во многих отраслях экономики<sup>7</sup>. Поэтому вопрос о том, является ли на самом деле QWERTY-клавиатура худшей в сравнении с клавиатурой Дворака, произошло ли открытие

---

<sup>6</sup> См. информацию на сетевом сервере «Мир компьютера»: Вместо Дворака и QWERTY // [www.omck.info/b2.php?p=1074&more=1#1074](http://www.omck.info/b2.php?p=1074&more=1#1074). Следует обратить внимание, что данные о более быстрой работе на альтернативных клавиатурах *после переучивания* сами по себе ни о чем не говорят: ведь если вместо переучивания с QWERTY на другую раскладку потратить время на более совершенное владение существующей клавиатурой, скорость набора тоже возрастет. Корректный результат можно получить, только если сравнивать скорость работы людей, одних из которых «от нуля» учили на QWERTY, а других в равных условиях — на другой клавиатурной раскладке. К сожалению, пока такие опыты не проводились.

<sup>7</sup> Следует, кроме того, учитывать, что большое число потенциально возможных новых, более совершенных стандартов просто не было создано из-за заведомо низкой вероятности их внедрения. Ведь изобретение DSK-стандарта есть, если задуматься, результат ошибки — изобретатель-«технар» не подумал заранее о маркетинговой привлекательности своего изобретения. В рыночном хозяйстве мало кто изобретает «из любви к искусству».

QWERTY-эффекта в результате неправильной интерпретации реальных исторических обстоятельств, уже не слишком существен.

Идеи «новейшей экономической истории» широко известны за рубежом, но в России, к сожалению, их знают гораздо слабее, чем они того заслуживают. Между тем проблема *path dependence* — это один из «русских вопросов», над которыми наши интеллектуалы размышляют не один век. Всем известны «неразрешимые» проблемы типа «почему Россия не Америка?» или «почему хотим как лучше, а получается как всегда?». Суть проблемы *path dependence* можно выразить вопросом: почему в конкуренции институтов довольно часто «плохие» институты (нормы, стандарты) побеждают «хорошие»? Эта проблема вбирает в себя анализ и устойчивой российской самобытности, и неудач попыток отказаться от нее в пользу кажущейся более эффективной системы социально-экономических институтов. Однако, несмотря на огромную актуальность для России парадигмы *path dependence*, ею занимаются пока лишь единицы<sup>8</sup> и даже переводная литература по этой теме почти отсутствует. Лишь «Экономический вестник Ростовского университета» систематически помещает публикации по этой теме<sup>9</sup>.

Для стимулирования распространения среди отечественных обществоведов новых институциональных идей Департамент экономической теории ГУ ВШЭ выработал оригинальную форму научной работы — сочетание заочных сетевых конференций и очных симпозиумов. Ранее так обсуждались вопросы институционального анализа функционирования экономических субъектов постсоветской России (октябрь — декабрь 2003 г.) и концепция Карла Поланьи (октябрь — ноябрь 2004 г.). Весной 2005 г. интересным полем для творческой

---

<sup>8</sup> Из крупных российских экономистов следует назвать прежде всего В.М. Полтеровича, Е.В. Балацкого и Л.И. Бородкина.

<sup>9</sup> См.: *Вольчик В. В.* Нейтральные рынки, ненейтральные институты и экономическая эволюция // *Экономический вестник Ростовского государственного университета*. 2004. Т. 2. № 2; *Витт У.* Экономическая теория и экономическая история — эволюционный пересмотр // Там же. 2004. Т. 2. № 3; *Коуэн Р.* Зависимость от предшествующей траектории развития, причинная связь и экономическая политика // Там же. 2004. Т. 2. № 4; *Кастальди К., Досидж.* Тиски истории и возможности для новизны: некоторые результаты и открытые вопросы, связанные с зависимостью от предшествующей траектории развития в экономических процессах // Там же. 2004. Т. 3. № 2. Тексты всех этих статей открыты на сервере «Институциональная экономика» ([www.ie.boom.ru](http://www.ie.boom.ru)).

дискуссии экономистов, историков и социологов стала как раз проблема *path dependence* — «зависимости от предшествующего пути».

Очертить круг обсуждаемых проблем позволила сетевая конференция, начавшаяся на федеральном образовательном портале «Экономика. Социология. Менеджмент» в середине апреля и продолжавшаяся до начала июня<sup>10</sup>. Параллельно с интернет-конференцией 13 мая 2005 г. в ГУ ВШЭ состоялся очный симпозиум. Оба мероприятия приняли международный характер: хотя большинство участников представляли московские институты и университеты, однако среди них были и ученые из других российских городов (Санкт-Петербурга, Тулы, Ростова-на-Дону), а также с Украины. Гостем очного симпозиума стал сам Пол Дэвид, специально приехавший в Москву по приглашению ГУ ВШЭ.

Обсуждение зависимости от предшествующего развития прошло ряд стадий. Все началось с «занимательной истории» о печатной машинке. Затем обнаружили аналогичные феномены в истории других технологических стандартов. Потом дискуссия перекинулась от анализа технологических стандартов к анализу чисто институциональных правил (норм). В настоящее время концепция *path dependence* выросла уже до относительно самостоятельной неортодоксальной теории. В выступлениях отечественных экономистов на сетевой конференции и на очном симпозиуме затрагивались в той или иной степени все эти уровни. Данная статья является обзором как самой проблемы *path dependence*, так и тех суждений о ней, которые звучали в ходе дискуссий отечественных обществоведов.

## 2. От QWERTY-номики к экономической теории стандартов

QWERTY-эффектами в современной научной литературе называют все виды сравнительно неэффективных, но устойчиво сохраняющихся стандартов, которые демонстрируют, что «история имеет значение». Эти эффекты можно обнаружить двумя путями:

1) либо сравнивать *реально сосуществующие* в современном мире технические стандарты;

---

<sup>10</sup> Ее материалы открыты для чтения — см. [www.ecsocman.edu.ru/db/rnsg/208637/program.html](http://www.ecsocman.edu.ru/db/rnsg/208637/program.html).

2) либо сопоставлять *реализованные* технические инновации с *потенциально возможными, но не реализованными*.

### **Стандарты, которые сосуществуют**

Хотя современная экономика давно глобализируется и унифицируется, в разных странах мира продолжают сохраняться разные технические стандарты, несовместимые друг с другом. Некоторые ситуации общеизвестны: скажем, различия между левосторонним (в бывшей Британской империи) и правосторонним движением на дорогах разных стран, что заставляет автопроизводителей ставить на машины из одной партии руль слева, а из другой — справа. Другие менее известны, как, скажем, различия в ширине железнодорожной колеи или в стандартах передачи электроэнергии.

Основными современными стандартами колеи железных дорог являются следующие три: 1067 мм — капская колея (в Японии, ЮАР, Австралии, в России на Сахалине, во многих странах «третьего мира»), 1435 мм — европейская (стефенсоновская) колея (более половины железных дорог мира), 1520—1524 мм — русская колея (в большинстве постсоветских государств, а также в Монголии, Финляндии).

Является ли европейская колея технически наиболее эффективной? Вовсе нет — многие инженеры считают более предпочтительной широкую колею. Европейский стандарт колеи стихийно сложился на самых начальных моментах развития железнодорожного транспорта. Когда в 1825 г. знаменитый английский инженер Джордж Стефенсон завершал изобретение паровоза, он взял для него стандарты английских гужевых повозок, в том числе ось с расстоянием между колесами в 4 фута 8,5 дюйма. Этот стандарт восходит к античным временам, когда римляне покрыли Европу сетью дорог, ширина которых соответствовала размеру двух лошадиных крупов, чтобы по дороге могла ехать типичная телега-двуколка. Стефенсон использовал этот шаблон при строительстве открытой в 1830 г. первой в мире железной дороги Ливерпуль — Манчестер, которая послужила образцовой моделью для строительства железных дорог по всему миру.

Когда в России начинали создавать собственную железнодорожную сеть, то «пошли другим путем». Здесь никогда не было римских дорог, поэтому российские инженеры были относительно свободны в выборе стандарта. Когда в начале 1840-х гг. они начали подготовку к строительству сети железных дорог, в Западной Европе уже победил

стандарт колеи в 1435 мм. Однако американский эксперт, сторонник широкой колеи, убедил их принять размер 1520 мм.

Более широкая колея обеспечивала большую пропускную способность российских железнодорожных путей, но затрудняла пересечение европейской границы. Сейчас, когда растет международный транспортный поток, разница в стандарте колеи по-прежнему затрудняет пересечение границ, требуя дополнительного времени.

Быть может, QWERTY-эффекты возникали только на относительно ранних этапах экономической истории? Нет, они проявляют себя и в эпоху НТР. В качестве примеров приводят формирование стандартов телевизионного оборудования (550-линейный стандарт в США в сравнении с лучшим 800-линейным в Европе), видеокассет и компакт-дисков (победа VHS над «Beta»)<sup>11</sup>, развитие рынка программного обеспечения (победа DOS/«Windows» над «Macintosh»)<sup>12</sup> и т.д.

На московском симпозиуме прозвучал оригинальный доклад *Д.Б. Коптюбенко* об одном из наиболее современных технологических QWERTY-эффектов, связанных с развитием систем электронных денежных расчетов.

Оказывается, ранее введенные во многих развитых странах дебетовые пластиковые карты и старая система чековых расчетов препятствуют внедрению более совершенных чиповых (микропроцессорных) карт, которые многофункциональные и гораздо лучше защищены от взлома. В результате специалисты предсказывают более высокие темпы перехода на электронные деньги либо несколькими отстающими странами (как, скажем, Россия), либо странами с сильным государственным регулированием (как, например, Сингапур). В развитых странах (США, страны Западной Европы) финансистам предпочтительнее совершенствовать уже имеющиеся системы расчетов, в инфраструктуру которых вложены крупные средства. В России же розничный безналичный денежный оборот относительно слаб, поэтому есть шанс сразу перейти на электронные деньги, ускоренно проскочив стадию использования чековых книжек и пластиковых карт. Это произойдет вероятнее, если россияне учтут опыт Сингапура, где правительство, не

---

<sup>11</sup> См.: *Arthur B IV. Positive Feedbacks in the Economy // Scientific American. 1990. Vol. 262. Febr. P. 92—99.*

<sup>12</sup> См.: *Liebowitz S.J., Margolis S.E. Winners, Losers and Microsoft. Oakland: The Independent Institute, 2000.*

надеясь на «невидимую руку» рынка, целенаправленно поощряет внедрение наиболее совершенных форм платежа.

### **Стандарты, которые могли бы сосуществовать**

В сравнении с изучением соревнования разных стандартов несколько более умозрительным, но и более многообещающим является анализ «несостоявшейся истории». Речь идет о том, что, по мнению многих историков-экономистов, некоторые победившие из-за конъюнктурных обстоятельств технические инновации перекрыли другие, потенциально более эффективные пути развития.

Идея сравнения эффективности реально осуществившихся и потенциально возможных технологических стратегий впервые была высказана еще в опубликованной в 1964 г. скандально известной книге Роберта Фогеля «Железные дороги и экономический рост Америки»<sup>13</sup>.

Традиционно считалось, что именно железнодорожное строительство являлось одним из «локомотивов» быстрого экономического роста Америки XIX в. Фогель попытался проверить на языке цифр привычные оценки транспортной революции. Он построил контрфактическую модель — как бы развивались США, если вместо «железных коней» ее просторы продолжали бороздить дилижансы и пароходы. В этой модели он рассмотрел влияние железнодорожного строительства не только на объем перевозок, но и на развитие сопряженных отраслей (производство рельсов и шпал, добыча угля и т.д.). Результаты математических расчетов получились весьма парадоксальными: вклад железнодорожного строительства оказался крайне малым, равным национальному продукту всего за несколько месяцев (в 1890 г. ВВП США был бы ниже примерно на 4-5%). Выбранная американцами технологическая стратегия — железные дороги вместо дилижансов и пароходов — оказалась в сравнении с альтернативной более эффективной, но в гораздо меньшей степени, чем казалось это ранее.

Вокруг книги Фогеля немедленно разгорелась шумная дискуссия<sup>14</sup>. Критики справедливо указывали, что точность подсчетов Фогеля очень условна, поскольку трудно достоверно измерить то, чего не было. Самое главное, модель Фогеля абстрагировалась от некоторых очень важных

---

<sup>13</sup> *Fogel R. Railroads and American Economic Growth: Essays in Econometric History. John Hopkins University Press, 1964.*

качественных изменений, инициированных строительством железных дорог, в частности от того, что ускорение перевозок сделало возможным производство новых товаров, которых иначе бы производить не стали.

Пол Дэвид и другие «QWERTY-экономисты» хотя и не пытаются количественно оценить альтернативные технологические стратегии, но широко используют качественное сравнение реального с потенциально возможным. Более того, если Роберт Фогель признавал что в реальной истории победил все же наиболее эффективный вариант технологического развития, то последователи Пола Дэвида

допускают возможность победы как раз неэффективных вариантов. Один из примеров подобного рода — это история атомной энергетики в изложении Роберта Коуэна<sup>14</sup>.

По его мнению, современный «мирный атом» является, в сущности, побочным продуктом холодной войны. В результате в американской атомной энергетике доминируют реакторы на легкой воде, которые являются адаптированным вариантом реактора атомной подлодки. Ряд конъюнктурных условий — в частности, ключевая роль ВМФ США в контрактах на строительство АЭС, политическая целесообразность завоевания общественной поддержки атомных разработок — способствовали принятию в качестве стандарта именно реакторов на легкой воде. Как полагает Коуэн, альтернативные проекты чисто гражданских ядерных реакторов (например, газоохлаждаемый реактор), не связанные генетически с военными технологиями, могли оказаться более эффективными.

### Отличия выбора стандарта от выбора товаров

Итак, в ходе исследований QWERTY-эффектов историки-экономисты с изумлением обнаружили, что некоторые окружающие нас

---

<sup>14</sup> В отечественной литературе обзоры этой дискуссии содержатся в публикациях: Промахина И.М. Количественные методы исследования в работах представителей “новой экономической истории” (США) // Математические методы в исследованиях по социально-экономической истории. М., 1975. С. 283—319; Левчик Д.А. Роберт Уильям Фогель и “новая экономическая история” // Новая и новейшая история. 1989. №6. С. 181-192.

символы технического прогресса приобрели хорошо знакомый нам облик в результате во многом случайных обстоятельств.

Если бы производителям печатающих устройств удалось быстрее справиться с проблемой сцепления клавиш, разработчикам клавиатуры не было бы нужды «растаскивать» подалше друг от друга наиболее часто встречающиеся в сочетаниях буквы. Если бы подряд на строительство железной дороги Ливерпуль — Манчестер выиграли конкуренты Стефенсона, то во всем мире доминировала бы более широкая железнодорожная колея. Если бы развитие атомной энергетики началось не в разгар холодной войны, а раньше или позже, то использовались бы другие реакторы. Число этих «если бы...» можно множить и множить.

Получается, что выбор технического стандарта в корне отличается от выбора товаров. На рынке товаров равновесная цена оказывается элементом благожелательной «невидимой руки рынка», которая оптимизирует производства. На рынке стандартов, оказывается, выбранный стандарт совсем не обязательно оптимален для общества.

Петербургский ученый *С.В. Цирель* (Институт горной геомеханики и маркшейдерного дела) попытался в ходе дискуссии о QWERTY-эффектах объяснить изумленную реакцию экономистов. Связана она с тем, указывал он, что в современной экономической науке теория выбора основана именно на модели формирования равновесной цены, которое происходит методом проб и ошибок в процессе очень большого (в пределе бесконечного) количества сделок. Количество же актов установления нового стандарта заведомо ограничено: обычно делается несколько попыток установить сравнительно неэффективные стандарты (скажем, сначала на печатных машинках пытались расположить клавиши просто по алфавиту), а затем устанавливается некий достаточно эффективный стандарт, который впоследствии либо не корректируется вовсе (как было с QWERTY-стандартом), либо корректируется малое количество раз. Поэтому достижение оптимального стандарта, в отличие от оптимальной (т.е. равновесной) цены, и не должно быть общим правилом.

Таким образом, «новейшая экономическая история» помогает лучше осознать, что рыночный механизм оптимизирует отнюдь не все.

### 3. От QWERTY-номики – к экономической теории *path dependence*

Самая главная из новых идей, предложенных в развитие первоначальной концепции Пола Дэвида, заключается в том, что победу изначально выбранных стандартов (норм) над всеми другими, даже сравнительно более эффективными, можно наблюдать не только в истории развития технологий, но и в истории развития институтов. В 1990-е гг. появилось немало исследований, включая работы самого Дугласа Норта, развивающих эту новое направление QWERTY- подхода. В свою очередь английский ученый Дуглас Пафферт заявил следующее:

«Зависимость от предшествующего развития для институтов, вероятно, будет вполне подобна зависимости от предшествующего развития для технологий, поскольку обе основаны на высокой ценности адаптации к некоей общей практике (какой-либо технике или правилам), так что отклонения от нее становятся слишком дорогостоящими»<sup>6</sup>.

Если при описании истории технических инноваций чаще пишут о QWERTY-эффектах, то в рамках анализа институциональных инноваций обычно говорят о *path dependence* — зависимости от предшествующего развития. Дело в том, что при сравнении институтов куда труднее, чем при сравнении технологий, делать однозначные выводы, какой институт лучше, а какой хуже. Однако в истории формирования институтов можно найти момент институционального выбора, который «программирует» развитие на долгое время вперед и делает невозможным (или очень трудным) отказ от ранее выбранного института.

#### **Парадоксы конкуренции современных институтов**

В истории развития институтов проявления зависимости от предшествующего развития можно проследить на двух уровнях: во-первых, на уровне отдельных институтов (правовых, организационных, политических), а во-вторых, на уровне институциональных систем (национальных, конфессиональных). В дискуссиях о *path dependence* чаще всего рассматривается первый аспект.

На симпозиуме в ГУ ВШЭ украинская экономистка *Н.П. Ульянова* (Институт международных отношений Киевского национального университета имени Тараса Шевченко) сделала интересный доклад о зависимости от предшествующего развития применительно к правовым институтам. Речь идет об исследованиях американского экономиста

Рафаэля Ла Порты и других последователей «новой сравнительной экономической теории» (new comparative economics).

Сравнивая влияние систем общего (англосаксонского) и гражданского (романо-германского) права на хозяйственную жизнь, американские компаративисты убедительно доказывают превосходство традиции общего права, которая заметно лучше защищает права собственности (например, права мелких акционеров от злоупотреблений менеджеров корпораций)<sup>17</sup>. Однако эти преимущества отнюдь не приводят к переходу стран с традициями гражданского права (в их число входит и Россия) на систему общего права.

Эта раздвоенность правовых систем восходит к XII—XIII вв., когда Англия изобрела судебный процесс с присяжными, а Франция — систему государственных судей<sup>18</sup>. Дело в том, что королевская власть в средневековой Англии была очень сильна, поэтому аристократы предпочитали решать свои конфликты в своем же кругу, не обращаясь к помощи слишком сильного внешнего арбитра. Напротив, во Франции король был в эпоху классического средневековья лишь «первым среди равных», а потому французские феодалы предпочитали посредничество относительно слабого короля столкновению сильных магнатов.

В результате этих коллизий давно минувших лет и по сей день многие экономические институты, связанные с делением пучка прав собственности (скажем, доверительное управление активами), развиваются в странах с *civil law* заметно хуже, чем в странах с *common law*. Увы, отказаться от старой правовой системы и перейти на новую оказывается очень накладно.

Важный вклад в экономическую теорию институциональных изменений внес российский экономист, академик *В.М. Полтерович* (ЦЭМИ), рассмотревший на примере постсоветской экономики такую разновидность зависимости от предшествующего развития, как *институциональная ловушка*

<sup>17</sup> См., например: *La Porta R. et al. Law and Finance // Journal of Political Economy. 1998. Dec. ([www.hiid.harvard.edu/pub/pdfs/576.pdf](http://www.hiid.harvard.edu/pub/pdfs/576.pdf))*.

<sup>18</sup> *Glaeser E., Shleifer A. Legal Origins // The Quarterly Journal of Economics. 2002. Nov.*  
" *Полтерович В.М. Институциональные ловушки и экономические реформы // Экономика и математические методы. 1999. Т. 35. № 2; Он же. Институциональные ловушки: есть ли выход? // Общественные науки и современность. 2003. № 3.*

Сам В.М. Полтерович писал еще в 1999 г., что в его работе «сделана попытка использовать идеи Артура и Норта для описания общей схемы формирования неэффективных устойчивых институтов, называемых здесь институциональными ловушками». В другом месте он прямо приравнивал институциональные ловушки к сформулированному Артуром эффекту блокировки (lock-in). Сравнение содержания его работы с трудами зарубежных специалистов по *path dependence* показывает, однако, что Полтерович открыл специфическую разновидность эффекта, отличающуюся от тех, которые ранее привлекли внимание Артура и Норта. У зарубежных экономистов речь идет об институтах, замедляющих развитие системы в сравнении с ситуацией внедрения альтернативных институтов. У Полтеровича рассматривается ситуация, когда институт не просто *замедляет* развитие, но буквально *разрушает* ту систему, в рамках которой он развивается.

Именно таков был, в частности, рассматриваемый Полтеровичем эффект от развития в постсоветской России бартерной экономики. Бартерные расчеты в 1992—1998 г. позволяли временно решать проблемы малоэффективных предприятий, однако эта система делала невозможной сколько-нибудь решительную реструктуризацию производства. В результате экономика страны находилась до 1999 г. в состоянии оцепенения и депрессии. Понадобился дефолтовый шок, чтобы «проломить» эту институциональную ловушку.

Развивая подход Полтеровича, *Е.В. Балацкий* (Государственный университет управления) назвал еще один пример институциональных ловушек в современной России — так называемую диссертационную ловушку<sup>15</sup>.

Речь идет о теневой системе получения ученых степеней людьми, вовсе не участвующими или участвующими в очень ограниченной степени в подготовке «своих» диссертационных работ. Конечно, «негритянский труд» дает фактическим авторам диссертаций дополнительный заработок, что существенно важно в условиях слабого финансирования науки. Однако как бартер разрушал товарный рынок, так

---

<sup>15</sup> *Балацкий Е.В.* Диссертационная ловушка // Свободная мысль — XXI. 2005. № 2. С. 92—104. На сетевой конференции о QWERTY-эффектах можно ознакомиться с текстом этой статьи ([www.ecsocman.edu.ru/db/msg/210454.html](http://www.ecsocman.edu.ru/db/msg/210454.html)).

«купленные» диссертации разрушают российское научное сообщество, девальвируя ученые звания.

### Парадоксы конкуренции институтов в экономической истории

Не только в современном мире, но и в истории хозяйственной жизни можно увидеть немало парадоксальных примеров, когда сравнительно неэффективные институты (или, скажем, программы институциональных реформ) одерживали победу над более эффективными. Чтобы доказать, что свершившийся в реальной истории институциональный выбор был не лучшим, ученые прибегают к контрфактическому моделированию «что было бы, если бы...»

За рубежом историко-экономические исследования, выполненные в жанре альтернативной (контрфактической) истории и основанные на сравнении состоявшейся и гипотетически возможной эволюции институтов, в последние десятилетия вызывают все больший интерес<sup>16</sup>. В нашей стране такие исследования пока очень немногочисленны. Например, в одной из последних работ *И.Д. Ковальченко*<sup>17</sup> были смоделированы ситуации, как развивалась бы дифференциация крестьянских хозяйств России, если бы, в одном случае, реформ Петра Столыпина не было вообще, а в другом случае, если бы они продолжались до 1920-х гг.

На симпозиуме в ГУ ВШЭ, используя все ту же предложенную *И.Д. Ковальченко* методику цепей Маркова, *Л.М. Бородкин* (МГУ им. М.В. Ломоносова) объяснил, как разрабатывался ретро- прогноз развития социальной дифференциации в советской деревне — что было бы, если

---

<sup>16</sup> Показателен, например, тот факт, что известный американский историк-экономист Роджер Рэнсом, избранный новым президентом Ассоциации экономической истории, посвятил в сентябре 2005 г. в Торонто свою президентскую речь теме «Война и экономическая теория: подход контрфактической истории». Можно вспомнить, что американские историки-экономисты при изучении, скажем, эпохи Гражданской войны между Севером и Югом давно прибегают к контрфактическому моделированию. См., например: *Латов Ю.В.* Новая экономическая история Гражданской войны в Америке и ликвидации плантационного рабства // Экономический вестник Ростовского государственного университета. 2004. Т. 2. № 1 ([http:// ic.boom.ru/journal/journal5.htm](http://ic.boom.ru/journal/journal5.htm)).

<sup>17</sup> *Ковальченко И.Д.* Столыпинская аграрная реформа (Мифы и реальность) // История СССР. 1991. № 2.

бы нэповские реформы не были прерваны сталинским «великим переломом»<sup>18</sup>.

Расчеты доказали, что большевистские страхи о неминуемом развитии в деревне «мелкобуржуазного» капитализма были сильно преувеличенными. Доля богатых крестьян росла бы при «долгом нэпе» довольно незначительно, а вот бедных хозяйств становилось заметно меньше за счет роста середняков. При таком сценарии за 1924—1940 гг. посевы возросли бы примерно на 70%, а поголовье скота — на 50%.

В реальной же истории, увы, «великий перелом» привел к сильному спаду аграрного производства (поголовье скота, например, было восстановлено только в 1950-е гг.). Следовательно, выбор сталинской реформы институтов собственности вместо «долгого нэпа» следует признать по данным критериям (социальная дифференциация, аграрная продукция) относительно неудачной.

Таким образом, применение теории зависимости от предшествующего развития к экономической истории институтов позволяет видеть их альтернативные издержки и тем самым делать выводы об эффективности выбора, сделанного в бифуркационных точках социально-экономического развития.

Когда российские экономисты обсуждали QWERTY-эффекты, то прозвучала мысль, что главное различие между проявлениями QWERTY-эффектов в мире технических стандартов и в мире институтов заключается в том, что они имеют разные временные рамки. Институциональные QWERTY-эффекты заметны на протяжении всей истории человечества. Что же касается технологических QWERTY-эффектов, то они стали возникать только с эпохи промышленной революции.

Дело, видимо, в том, что QWERTY-эффекты возникают, когда формируется единая, глобальная история. В рамках этого единого потока событий происходит унификация норм (формирование сетей), поэтому возникшие позже более эффективные стандарты уже не могут вытеснить более ранние. Глобализация истории происходила асинхронно в разных

---

<sup>18</sup> *Бородкин Л.И., Свищев М.А. Ретропрогнозирование социальной динамики доколхозного крестьянства: использование имитационно-альтернативных моделей // Россия и США на рубеже XIX—XX вв. Математические методы в исторических исследованиях. М., 1992. С. 348—365.*

сферах жизни общества. Ранее всего она началась в культурной сфере — с формирования суперцивилизаций с единой религиозной доминантой (конфуцианской, христианской, исламской...). Унификация хозяйственной жизни началась лишь с эпохи Нового времени, когда достижения западноевропейской промышленной революции немедленно начали транслироваться на весь мир. Когда унификации нет — нет и сетевых эффектов, нет и QWERTY-эффектов. Напротив, когда начинается унификация стандартов и норм, тогда эти эффекты возникают регулярно, заставляя историков задумываться, «что было бы, если бы...».

#### **4. «Новейшая экономическая история» как альтернатива неоклассике**

И зарубежные экономисты (включая самого Пола Дэвида<sup>19</sup>), и их российские коллеги давно заметили, что концепция институциональной ловушки очень удачно объясняет то положение, в котором находится современная экономическая наука, основанная на доминировании неоклассики. С тех пор как Альфред Маршалл и его последователи на рубеже XIX—XX вв. заложили фундамент *economics*, дальнейшее развитие экономической науки в течение уже более столетия идет в одной и той же колее, хотя в адрес неоклассиков накапливается все больше критики.

Справедливости ради следует сказать, что институциональная инерция типична не только для экономической науки, но и для *всех* общественных наук. В отличие от развития естественных наук, в общественных на укоренение новых парадигм авторитет научного сообщества влияет, пожалуй, сильнее, чем их практическая эффективность. Скажем, участник сетевой конференции Л.А. Исаков (Московский институт экономики, финансов и права) обратил внимание на устойчивость таких исторических стереотипов, как «Пушкин — демократ, затравленный царизмом» и «Сталин — растяпа, прозевавший нападение Гитлера». Родившиеся в идеологической полемике многие годы назад, они продолжают жить: идеологическая взаимозависимость (по аналогии с «технической взаимозависимостью») мешает даже академическим

---

<sup>19</sup> См., например: *David P.A. Path Dependence, Its Critics, and the Quest for Historical Economics: Working Paper Stanford University, Economics Department, 2000. N00-011.*

ученым замечать факты, противоречащие устоявшемуся мнению. Наверное, схожие эффекты есть и в развитии других наук.

*В.В. Вольчик* (Ростовский государственный университет) в ходе интернет-конференции указал на следующую особенность *path dependence* как научного направления:

«[Зависимость от предшествующего развития] составляет основу неэволюционной экономики как неортодоксальной теории. Различия между эволюционной экономикой (Нельсон, Уинтер) и неэволюционной экономикой (Артур, Дэвид) лучше всего заметны в дискуссии между Артуром — Дэвидом и Либовицем — Марголисом. Артур и Дэвид свои теории в принципе *противопоставляют* неоклассике, во-первых, отрицая, по сути, детерминизм неоклассиков, во-вторых, отстаивая значимость истории, в-третьих, отстаивая положение, что *path dependence* не сводится к стандартным неоклассическим "экстерналиям" и "сетевым" эффектам. В традиционной эволюционной теории вслед за Алчиано считается, что эволюционный процесс рано или поздно приводит к выбору лучших альтернатив, неэволюционисты так не считают»<sup>20</sup>.

Таким образом, теорию зависимости от предшествующего развития следует рассматривать как еще одну попытку построить оригинальную теорию вне рамок неоклассики.

### Что «проваливается» – рынок или государство?

Огромное внимание экономистов к феномену зависимости от предшествующего развития связано во многом с проблемой провалов рынка (именно в ходе обсуждения этой проблемы идет критика «рыночноцентрической» неоклассики). Ведь если победа худших стандартов (норм) над лучшими связана с недальновидностью рынка, то это является очень веским аргументом в пользу государственного регулирования промышленной политики, которую неоклассики третируют как «путь к рабству». Защитники рынка, однако, предлагают иную интерпретацию: по их мнению, зависимость от предшествующего развития доказывает провалы, наоборот, государственного регулирования, а не рынка. Конкретные факты дают аргументы обоим сторонам: скажем, история железнодорожной колеи доказывает провал рынка, история же атомного реактора — провал правительства.

Вероятно, в основе феномена *path dependence* лежат скорее универсальные закономерности социально-экономического развития, чем

---

<sup>20</sup> См. [www.ecsocman.edu.ru/db/msg/210460.html](http://www.ecsocman.edu.ru/db/msg/210460.html).

специфические формы их проявлений в современном рыночном хозяйстве. В таком случае развитие данного направления экономической теории является важным шагом к формированию «пострыночной» экономической науки. Неслучайно именно этот аспект вызвал, пожалуй, больше всего интереса у участвовавших в дискуссии российских обществоведов. Сходясь во мнении, что теория зависимости от предшествующего развития открывает новые пути для экономической науки, участники обсуждений, однако, разошлись во мнениях, какие же пути наиболее перспективны.

Украинский экономист *М.В. Белоусенко* (Донецкий национальный технический университет) предложил, в частности, рассматривать новую теорию как возможность глубоко переосмыслить понятие сравнительной эффективности. По его мнению, само понятие «эффективность», по которому Пол Дэвид пытается оценить QWERTY- эффект, является негодным лекалом. Ведь того мира адаптивных субъектов, к которому оно могло бы быть применимо, просто нет. Реально же есть экономика крупных фирм-корпораций, которые планируют и координируют большую долю того, что неоклассика отдает на откуп свободному рынку. И в этой реальной экономике, полагает М.В. Белоусенко, печатная машинка с QWERTY-клавиатурой вполне выполняла свою функцию снижения издержек обработки данных в условиях роста информационных потоков в процессе развития индустриального капитализма, поскольку обеспечивала легкость обучения, достаточную скорость печати, а главное — стандартизацию производства и печати, что снизило транзакционные издержки:

«С помощью такой инновации, как печатная машинка с клавиатурой QWERTY, обеспечившей как конкурентные преимущества ряду компаний, так и стабильность кооперационных взаимосвязей, воспроизводимость технологий и знаний, субъекты индустриального капитализма еще на какую-то долю увеличили темпы экономического роста.

И тут совершенно не играет никакой роли то, что скорость набора на других видах клавиатур могла быть на 20% выше или на 5% ниже. И совершенно нет надобности придумывать какой-то статичный показатель эффективности, разбавлять его еще более надуманным понятием провалов рынка, чтобы увидеть источник и процесс экономического роста, для которого 20% прироста скорости печати не являются решающими. Решающим же для него является наличие механизма, обеспечивающего постоянство и массовость создания инноваций, а следовательно, наличие

субъекта-инноватора, т.е. капиталистической фирмы, а еще точнее, крупной вертикально интегрированной менеджерской корпорации»<sup>21</sup>.

Другие участники дискуссии видели открытые Дэвидом перспективы развития экономической науки не столько в переосмыслении эффективности, сколько в развитии системного подхода.

### **Зависимость от предшествующего развития и теория экономических систем**

Теория зависимости от предшествующего развития основана на метанаучной парадигме синергетики, связанной с идеями известного бельгийского химика Ильи Пригожина, создателя теории самоорганизации порядка из хаоса<sup>22</sup>.

Согласно разработанному им синергетическому подходу, развитие общества не является жестко предопределенным (по принципу «иного не дано»). На самом деле наблюдается чередование периодов эволюции, когда вектор развития изменить нельзя (движение по аттрактору), и точек бифуркации, в которых возникает возможность выбора. Когда «QWERTY-экономисты» говорят об исторической случайности первоначального выбора, они рассматривают как раз бифуркационные точки истории: те ее моменты, когда происходит выбор какой-либо одной возможности из веера различных альтернатив. Выбор в таких ситуациях практически всегда происходит в условиях неопределенности и неустойчивости баланса социальных сил. Поэтому при бифуркации судьбоносными могут оказаться даже совсем мелкие субъективные обстоятельства — по принципу «бабочки Брэдли».

У теории *path dependence* есть большие резервы роста, связанные с усилением ее связи с общей теорией систем. В дискуссии российских экономистов на этот аспект основное внимание обратил С.В. Цирель.

---

<sup>21</sup> См. [www.ecsocman.edu.ru/db/msg/209088.html](http://www.ecsocman.edu.ru/db/msg/209088.html).

<sup>22</sup> Марголис и Либовиц в своей энциклопедической статье о *path dependence* подчеркивают, что «зависимость от предшествующего развития — это идея, которая пришла в экономическую теорию от интеллектуальных движений, возникших в другой сфере. В физике и математике эти идеи связаны с теорией хаоса» (*Margolis S.E., Liebowitz S.J. Path Dependence // The New Palgrave Dictionary of Economics and Law / P. Newman (ed.). L.: Macmillan, 1998*). См. также: Бородкин Л.И. «Порядок из хаоса»: концепции синергетики в методологии исторических исследований // Новая и новейшая история. 2003. № 2. С. 98—118.

По его мнению, для понимания проблемы сосуществования разных стандартов полезно использовать закон Седова — закон обратной зависимости разнообразия на нижнем и верхнем уровнях сложных систем. В силу его действия преимущество одного стандарта над другими больше связано с количеством товаров, в которых используется данный стандарт, чем с его сравнительной эффективностью. Этот подход объясняет, в частности, почему в позднепервобытных обществах изменения эгалитарности происходят легче, чем в более высокоорганизованных обществах<sup>23</sup>.

Еще одно важное направление «достройки» теории *path dependence* — это осмысление роли случайных факторов в социально-экономическом развитии.

В самом общем виде этот аспект можно осмыслить при помощи пригожинской концепции аттракторов и бифуркационных точек: роль «случая» велика при бифуркации, однако мала при движении по аттрактору. Формирование любого нового стандарта — это момент бифуркации, поэтому случайность здесь играет большую роль. Но рождение нового стандарта есть элемент функционирования стандарта более высокого уровня (скажем, выбор системы денежных расчетов происходит в рамках давно выбранной рыночной системы хозяйства). В таком случае теорию выбора стандартов (норм) надо «скреплять» с теорией экономических систем, объясняющей смену наиболее общих стандартов жизни общества.

С точки зрения перспектив синтеза теории *path dependence* с теорией экономических систем любопытен обмен мнениями участников сетевой

---

<sup>23</sup> Петербургский ученый указывал: «Как показывают многие исторические и антропологические исследования, в первобытных обществах неоднократно ходили переходы от менее эгалитарных к более эгалитарным формам организации и обратно в зависимости от изменений условий существования (магических изменений) или от индивидуальных свойств лидеров. Одной из причин подобной легкости переходов, на наш взгляд, является малочисленность и расплывчатость институциональных надстроек (следующих иерархических уровней) над племенными или вождескими институтами. Напротив, с появлением государств и многочисленных институтов традиционных обществ подобный переход становится все более затруднительным. Если в Древнем Шумере (по некоторым данным, и в Древнем царстве в Египте) были возможны большие колебания в ту или иную сторону, то в дальнейшем переходы становятся все более редкими. За исключением остернизации Византии и стран Матриба мы не знаем ни одного бесспорного случая перехода. Даже происходящие на наших глазах процессы вестернизации Японии, Турции или Тайваня никак нельзя считать законченными...» (см. [www.ecsocman.edu.ru/db/msg/209044.html](http://www.ecsocman.edu.ru/db/msg/209044.html)).

конференции о путях развития российской цивилизации в новое и новейшее время. С одной стороны, *А.Л. Темницкий* (Институт социологии РАН) утверждал, что вряд ли можно найти в трудовой жизни российского общества с петровских времен и до наших дней примеры случайных обстоятельств, случайных социальных явлений, социальных изобретений, практик.

Полемизируя с ним, *Н. В. Патова* (Институт социологии РАН) выдвинула мысль, что случайного в нашей истории гораздо больше, чем в истории, скажем, Западной Европы. Возьмем, указывала она, пример, который приводит А.Л. Темницкий: Петр I «завез» с Запада фабрики, пришлось «создавать» институт крепостных рабочих, отсюда традиция зависимого принудительного труда. Но насколько закономерен сам Петр I и петровские реформы? Если посмотреть на цепочку событий, в результате которых русским царем стал Петр Алексеевич, то окажется, что реализовалась не самая вероятная историческая альтернатива. Царь Алексей Михайлович мог прожить на десяток лет дольше, Федор Михайлович мог оказаться здоровее, Софья с Голицыным могли победить Милославских, сам Петр во время «потешных баталий» мог преждевременно уйти в мир иной...

По мнению *Н.В. Латовой*, в странах догоняющего развития роль случайности обязательно *должна* быть выше. Ведь в этих странах модернизация осуществляется не столько «снизу», сколько «сверху». Меньше акторов, участвующих в выборе аттрактора развития, — выше роль отдельных личностей, выше вероятность QWERTY-эф-фектов. Скажем, *А.И. Солженицын* уверял, что гибель царской монархии была предопределена в 1911 г. выстрелом Богрова — вряд ли надо понимать это буквально. Однако представим события бифуркационного 1917 г. с живым Столыпиным, но без харизматичного Ленина (который, предположим, утонул, переходя в 1905 г. Финский залив). Стоит изменить положение всего двух ключевых фигур, и перспектива возникновения в России «нормальной» конституционной монархии уже не кажется невероятной.

*Е.А. Бренделева* (МГИМО МИД России) заметила по ходу сетевой конференции, что «российская экономика — это сплошная цепь институциональных ловушек». С наименьшим основанием можно сказать, что наша история — это сплошная цепь QWERTY-эффектов.

Таким образом, теория зависимости от предшествующего развития становится не только самостоятельной альтернативой неоклассике, но

также своеобразным полем интеграции и взаимодействия и всех других неортодоксальных экономических теорий.

## **5. Сможет ли теория *path dependence* не только объяснить мир, но и изменять его?**

Можно ли рассматривать уже сейчас теорию зависимости от предшествующего развития как полноценную альтернативу неоклассике? Пожалуй, еще нет. Молодая концепция, родившаяся на историческом материале, пока нацелена в основном на переосмысление прошлого, а не на предвосхищение будущего. Экономическая теория может считаться зрелой лишь тогда, когда способна давать практические рекомендации. Уже сейчас возникает необходимость развивать не только чисто позитивные (как было до сих пор), но и нормативные аспекты теории *path dependence*.

### **Нужно и можно ли преодолевать зависимость от предшествующего развития?**

Во время дискуссии между российскими экономистами завязался интересный диалог о том, как преодолевать зависимость от предшествующего развития. С.Н. Ковалев (Тульский филиал Московского университета МВД России) справедливо заметил, что отнюдь не любое проявление *path dependence* является негативным. Он предложил представить себе мир без *path dependence* (так же как Рональд Коуз попытался представить мир без транзакционных издержек) — мир, в котором можно было бы мгновенно вводить и менять любые стандарты и правила. Как результат, в этом мире не было бы стабильных правил игры, хозяйственная (да и вообще общественная) жизнь приобрела бы хаотичный характер. Совсем недавно, в 1990-е гг., мы на собственном опыте убедились, каково это — жить в обществе, где непрерывно «перестраивают» нормы и правила.

Негативный характер носят не *path dependence* в целом, а QWERTY-эффекты как одна из форм *path dependence*, когда закрепляется худший (в сравнении с альтернативно допустимыми) стандарт, который никак не удастся поменять. Но не следует забывать о позитивном влиянии на общественное развитие таких форм *path dependence*, когда лучший (в сравнении с альтернативно допустимыми) стандарт противится попыткам

заменить его худшим. Скажем, когда страны Восточной Европы входили в «социалистический лагерь», они все равно сохраняли больше элементов политической и экономической демократии, нежели того хотели советские «учителя». Как тогда шутили, «лагерь один, да барак другой». Не было бы *path dependence*, не было бы и различий между, скажем, Польшей, бурно развивающейся в 1990-е, и Россией, которая в эти же годы еле-еле удерживалась на плаву. Аналогично и с технологическими нормами — ведь не все технические новинки оказываются в конечном счете лучшими.

Итак, обсуждаемой практической проблемой являются пути преодоления QWERTY-эффектов как негативных последствий *path dependence*. Пути преодоления QWERTY-эффектов — это способы влияния на порождающие их причины. Одни из них поддаются воздействию лучше, другие хуже.

Рассмотрим четыре основные причины QWERTY-эффектов, которые называют сторонники «новейшей экономической истории».

**1. Долговечность функционирования оборудования или норм** (превышение сроков физического износа над сроками морального износа).

Что касается технологических QWERTY-эффектов, то для устранения этой причины следует, видимо, минимизировать зазор между сроками морального и физического старения оборудования. Попросту говоря, надо выпускать товары с коротким сроком эксплуатации. Де-факто это так и происходит: если полвека назад важным для потребителя качеством товара была его прочность и долговечность, то теперь это качество не слишком важно, производители предлагают товары с коротким сроком жизни. С институциональными QWERTY-эффектами ситуация сложнее, ведь их первопричина — не в вещах, а в стереотипах мышления. Единственное, что можно здесь сделать, — это воспитывать гибкость мышления, умение переучиваться. Однако инерцию «старого мышления» можно лишь ослабить, но не ликвидировать.

В связи с этим на симпозиуме в ГУ ВШЭ С.Г. Кирдина (ИЭ РАН) напомнила участникам о сформулированной ею концепции X- и Y-матриц, согласно которой две мировые мегацивилизации (Восток и Запад) обладают качественно разным социальным генотипом, отказаться от которого отдельные страны принципиально не могут. В таком случае заимствование новых институтов оказывается ограниченным странами с

той же «группой крови», как бы ни были высокоэффективны «инородные» институты.

### **2. Взаимосвязанность элементов системы** (сетевые эффекты).

Эта причина кажется самой фундаментальной. По крайней мере, трудно представить, как «раздробить» систему технологий или институтов, чтобы уменьшить возможность QWERTY-эффектов. Можно, конечно, попробовать вернуться к первобытным временам, когда каждое племя в основном «варилось в собственном соку», не навязывая чужим племенам свои жизненные стандарты. Но подобный путь борьбы с QWERTY-эффектами равносителен лечению головной боли через отрубание головы. Всякое мало-мальски развитое общество обязательно характеризуется сетевыми эффектами, а следовательно, и связанными с ними QWERTY-эффектами.

### **3. Эффект экономии на масштабе.**

Как и в предыдущем случае, бороться с этой причиной было бы хуже, чем смириться с QWERTY-эффектами. Эффект экономии на масштабе сильнее всего действует в самых передовых отраслях промышленности и сферы услуг. В таком случае, уменьшить его можно, если вернуться к архаичному сельскому хозяйству. Конечно, такой путь исключен.

### **4. Меняющаяся предельная отдача<sup>24</sup>.**

С этим фактором можно бороться, прогнозируя не только ближайшие, но и отдаленные (через десятилетия) последствия внедрения тех или иных стандартов. Все упирается в то, что полное знание существует только в неоклассической экономической теории, но не в реальной жизни (Фридрих фон Хайек прав — нам не дано знать наших будущих знаний). Можно согласиться с Полом Дэвидом, что для улучшения ситуации необходима максимальная информационная открытость. Однако и при самой максимальной открытости вряд ли можно добиться полного знания.

---

<sup>24</sup> Первые три причины выделил еще Пол Дэвид в статьях 1985—1986 гг., а на четвертую в 1989 г. обратил внимание Брайан Артур (см. <http://ie.boom.ru/Referat/Arthur/Arthur.htm>). Речь идет о том, что когда сравниваются две конкурирующие технологии (нормы), то трудно предвидеть, как будет меняться приносимая ими польза. Артур акцентировал внимание на особенности *растущей* предельной отдачи: на начальном этапе освоения одна норма может демонстрировать преимущества, но при дальнейшем освоении отдача от нее растет медленнее, чем от альтернативной нормы. Позже было отмечено, что этот эффект (то, что лучше сегодня, завтра оказывается хуже) возможен и при *снижающейся* отдаче, когда падение отдачи от первоначально лучшей технологии обгоняет снижение отдачи от первоначально худшей.

Итак, из четырех первопричин QWERTY-эффектов влиять можно лишь на две (первую и четвертую), да и то ограничено. Следовательно, преодолеть негативные последствия зависимости от предшествующего развития нельзя, можно лишь их уменьшить.

Определив цели и возможности практических действий, задумаемся о том, какие же именно действия надо предпринимать для уменьшения QWERTY-эффектов.

### **Унифицировать нельзя дублировать?**

В ходе сетевой конференции был задан вопрос, вызвавший долгое обсуждение. Поскольку теория QWERTY-эффектов осуждает сосуществование эффективных и сравнительно неэффективных стандартов, то следует ли стремиться к созданию мира с наилучшими, строго однородными стандартами?

Действительно, сосуществование стандартов постоянно порождает дополнительные издержки (трудности эксплуатации импортных автомобилей, замедление движения железнодорожного транспорта, трудности адаптации иностранцев в стране с другими нормами права и т.п.). Одним словом, разнородность стандартов (норм) тормозит формирование единого рынка товаров и факторов производства. Однако с другой стороны, если в мире будет господствовать один-единственный стандарт чего-либо, то может сложиться ситуация, когда при изменившихся условиях этот единственный стандарт окажется худшим, чем альтернативные. В этом случае издержки тоже будут, но не реальные, а виртуальные<sup>25</sup>.

---

<sup>25</sup> Для объяснения виртуальных издержек на сетевой конференции был приведен следующий фантастический пример. Предположим, что конкистадорам Кортеса не удалось в XVI в. завоевать империю ацтеков, которая и в дальнейшем смогла сохранить свою самобытность. Тогда в наши дни на планете существовала бы агрессивная страна, чьи культурные традиции выглядят по некоторым параметрам бесчеловечными (человеческие жертвоприношения). США пришлось бы нести дополнительные затраты, чтобы держать на границе с «Ацтекней» вооруженных до зубов пограничников, пресекающих попытки похищения американцев для кровавых ритуалов. Благодаря Кортесу, который стер Теночтитлан с лица земли, Америка спасена от эдакой напасти. Однако мы лишены тех культурных достижений, которые нам могла бы дать эта несостоявшаяся «Ацтекня» (скажем, новых лечебных препаратов из биологических тканей человека, которые могли бы открыть ацтекские ученые). Спрашивается, какой же вариант лучше — тот, где челове-

Видимо, в «столкновении цивилизаций» оптимальной была бы система резерваций, когда реликты проигравших в конкурентной борьбе цивилизаций сознательно консервируются «на всякий случай». Однако можно ли создать резервации для менее эффективных технологий и, тем более, экономических институтов?

В любом случае спонтанную унификацию любых стандартов и норм надо сдерживать, чтобы иметь возможность сравнивать разные варианты. Например, для мира «классического капитализма» самой «эффективной» религией является протестантизм. Но кто знает, какая религиозно-этическая традиция будет лучше подходить к постиндустриальному обществу?

---

ство было бы более многоцивилизационным (и, вероятно, менее гуманным), или реально свершившийся, с единственной (пока) доминирующей западной цивилизацией?

Таким образом, практические рекомендации, которые можно вывести из теории *path dependence*, оказываются очень непростыми — то ли «Унифицировать, нельзя дублировать!», то ли «Унифицировать нельзя, дублировать!»

Сам «первооткрыватель» QWERTY-эффектов, судя по его выступлению на московском симпозиуме, вполне понимает необходимость практических выводов из его историко-экономической концепции. Понимает он и сложность сложившейся дилеммы. Вопреки мнению многих своих последователей, Пол Дэвид выступил как раз противником тотальной стандартизации.

По его мнению, государство должно, наоборот, бороться с «нетерпением рынка», стимулируя удлинение срока конкуренции альтернативных технологий и препятствуя поспешному выбору первой появившейся в качестве универсального стандарта:

«.. если и есть премудрость, которой история учит творцов экономической политики, то заключается она в том, что возможности выбора необходимо сохранять открытыми в течение более длительного периода, чем тот, который хочется иметь нетерпеливым участникам рынка. Это относится ко всем областям прикладных разработок, где процессы с положительной обратной связью превалируют над процессами с отрицательной обратной связью»".

Не очень, правда, понятно, как определять этот «более длительный период».

Во время сетевой конференции *Н.Ф. Тагирова* (Самарская государственная экономическая академия) справедливо заметила, что хотя «QWERTY-экономисты» восклицают: «История имеет значение!» — но фактор времени, в исторических науках рассматриваемый как основной, сторонниками QWERTY-подхода учитывается пока слабо. Действительно, как много должно пройти времени, чтобы понять, какая же норма более эффективна?

Кроме практических рекомендаций Пола Дэвида<sup>26</sup> есть и другие пути. Первооткрыватель зависимости от предшествующего развития

---

<sup>26</sup> Аналогичную позицию занимает и другой известный сторонник концепции *path dependence*, Роберт Коэн: «Нельзя надеяться на эффективность действий политика при выборе верной технологии, если существует неопределенность в отношении характеристик конкурирующих технологий и их пользователей. Но может оказаться реальным помочь рынку избежать или даже предотвратить совершение некоторых процедурных ошибок в процессе выбора технологии» (Коэн Р. Зависимость от предшествующей траектории

демонстрирует все же «рыночно-центрический» подход, основанный на убеждении, что рыночный механизм внедрения стандартов надо сохранить, лишь немного его «подремонтировать». А ведь возможны и более радикальные рекомендации — например, пусть государство полностью забирает у рынка работу по унификации стандартов, одновременно стимулируя НИОКР по разработке новых стандартов и централизованно организуя их обновление. Конечно, *Р.И. Капелюшников* (ГУ ВШЭ), защищавший в ходе дискуссии либеральную и весьма критичную в отношении теории *path dependence* позицию, прав в том, что государство может быть в своих прогнозах еще более ограниченным, чем рынок. Однако если рынок в принципе не может повышать «нацеленность на будущее», то для государства путь совершенствования прогностических возможностей все же доступен. Конечно, можно вслед за Хайеком сказать, что расширение государственного регулирования — это по самой своей природе «дорога к рабству»...

Из теории QWERTY-эффектов вытекает еще один нетривиальный практический вывод: в процессах внедрения стандартов выигрывают те страны, которые делают это позже. Иллюстрацией является Россия, где и колея железных дорог шире, и кириллическая клавиатура печатных устройств более эргономична, и перспективы внедрения чиповых электронных денег более благоприятны, чем, например, в Великобритании.

Итак, теория зависимости от предшествующего развития, судя по всему, сама имеет много скрытых резервов и может помочь выявить немало ресурсов, ускользающих от полного использования производственных возможностей.

© Нуреев Р.М., 2006

© Латов Ю.В., 2006